

Т. Н. Меркушева, Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Сыктывкар 2003. 229 с.

24 июня 2003 года на заседании Диссертационного совета К 212.275.02 при Удмуртском государственном университете состоялась публичная защита диссертации Т. Н. Меркушевой на тему «Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка». В качестве официальных оппонентов выступили доктор филологических наук профессор В. К. Кельмаков (Удмуртский государственный университет) и кандидат филологических наук старший преподаватель А. С. Лобанова (Пермский государственный педагогический университет); ведущее учреждение — Сыктывкарский государственный университет.

Работа Т. Н. Меркушевой, выполненная в Институте языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, посвящена, как явствует из заголовка, одному из неисследованных, но увы! постепенно уходящих в забвение, разделов отраслевой лексики коми-пермяцкого языка — названиям различных видов растений и разного рода живностей (от насекомых до животных). Эта тема исключительно актуальна как с точки зрения развития и совершенствования современного коми-пермяцкого литературного языка (систематизирование и нормирование употребления отраслевой лексики — важнейшее направление в развитии любого литературного языка), так и с точки зрения истории не только коми-пермяцкого языка, но и его носителей.

Для выполнения своей цели — «описания лексики фауны и флоры в современном состоянии» (с. 4) — автор поставила перед собой две основные задачи: 1) сбор фактического материала и 2) анализ собранной лексики с помощью различных методов — структурно-словообразовательного, лексико-семантического, лингвогеографического, этимологического и др.

При сборе языкового материала она пошла по весьма рациональному — при

существующем несовершенстве коми-пермяцкой лексикологии, тем более диалектной, — пути, состоявшему из нескольких этапов:

1) на первом этапе была выписана «лексика флоры и фауны из всех доступных словарей коми-пермяцкого языка» и из диалектологических архивов Коми научного центра;

2) далее «на основе составленной картотеки [---] был подготовлен специальный вопросник» для сбора полевого материала, включающий 1500 словарных единиц;

3) на последнем этапе был собран материал по этому вопроснику в 15 населенных пунктах на территории распространения четырех диалектов южного наречия коми-пермяцкого языка; при этом автору определенную помощь оказали также и сельские учителя родного языка и литературы (с. 6—7).

В итоге в картотеке автора оказалось 620 названий растений и животных, распространенных на территории южной части Коми-Пермяцкого АО.

Однако такой способ сбора языкового материала имеет не только положительную сторону (относительно легко проводить «собираТЕЛЬскую» работу), но и отрицательную. Последняя связана с тем, что подобная работа преимущественно направлена на проверку наличия, уточнение значения и территории бытования уже известного лексического материала, а не на поиск нового. Не случайно автором зафиксировано лишь немногим более 100 наименований (чуть более 16 % всего имеющегося в ее распоряжении); это при том, что окружающая южных коми-пермяков природа располагает 180 видами птиц, 50 видами млекопитающих, 32 видами рыб (КПАО 65), огромным разнообразием мелкой живности (насекомых, паукообразных, чешуйчатокрылых и др.), не одной тысячей видов диких и культурных растений, а имею-

щиеся неспециализированные (переводные) словари коми-пермяцкого (и не только!) языка весьма несовершенны в отношении охвата отраслевой лексики, в том числе и рассматриваемых групп.

В композиционном отношении работа построена весьма логично и целесообразно. Она состоит из «Предисловия» (с. 3—8), «Введения» (с. 9—32), двух глав, посвященных лексике флоры (с. 33—102) и лексике фауны (с. 103—163), «Заключения» (с. 164—172), «Литературы» (с. 173—187), «Списка сокращений» (с. 188—190) и «Приложений» (с. 191—229). Последние включают «Список информаторов» (с. 191—197), «Карты» (с. 198—209; всего 19 карт) и «Словарь лексики флоры и фауны» (с. 210—229).

Во «Введении» представлены некоторые общие вопросы и исходные данные, предвещающие конкретный анализ номенклатуры флоры и фауны, как-то: диалектное членение южного наречия коми-пермяцкого языка, история изучения лексики флоры и фауны в пермском языкознании, методика анализа и изложения материала и т. д. Раздел в целом написан со знанием дела и дает добротное представление о проблемах, поднятых в нем. Если и встречаются отдельные неточности, то они носят скорее редакционный характер, нежели принципиальный.

1. Так, представив эскизное, но довольно репрезентативное описание всех четырех диалектов южного наречия коми-пермяцкого языка — кудымкарско-иньвенского, нердвинского, нижнеиньвенского и оньковского (с. 15—22), автор монографии неожиданно заявляет, что «диалектный язык» не нормирован (с. 22). Если имеется в виду вообще отсутствие всяких норм у диалектного языка, то автор явно ошибается: «разумеется, и говоры не лишены некоторой подчиненности общепринятым в данном языковом коллективе нормам, без этого говорящие на диалектах не понимали бы друг друга при общении», следовательно, диалекты не поддавались бы также адекватному описанию. Но поскольку «эта подчиненность нормам» «естественна», простирается «из непи-

санного давнего обычая, не закрепленного в каких-либо сводах правил» (Рус. диал. 7) и иных письменных документах, диалектные нормы являются весьма шаткими и легко смещаются под влиянием соседних диалектов, литературного или других языков. В таком случае было бы уместно говорить не об отсутствии нормированности диалектов, а о неустойчивости, подвижности этих норм.

2. Говоря о сохранности *л* в определенных коми-пермяцких диалектах «во всех позициях», автор имеет в виду лишь три позиции — середину, конец и начало слова (с. 14), в то время как для любого согласного (в том числе и *л*) в пермских языках актуальны по крайней мере пять позиций: ан-, ин- (между гласными, после согласного перед гласным, после гласного перед согласным) и ауслат (см., например, Кельмаков 1998 : 97—99). Все эти позиции могут оказать определенное влияние на функционирование некоторых согласных.

3. «Южные коми-пермяки самостоятельно проживают на современной территории с XI века» (с. 27). Самостоятельно от кого — от других групп коми-пермяцкого населения, от пермских, финно-угорских или каких-либо иных народов?

4. Автор, ссылаясь на Г. В. Федюневу (1998 : 453), одним из основных признаков сложного слова в финно-угорских языках, в отличие от словосочетания, считает «наличие главного ударения на первом слоге» (с. 29). Это правило было бы универсальным для всех финно-угорских языков, если бы все они имели ударение на первом слоге. Однако оно абсолютно неприемлемо, например, для удмуртского языка с ударением на конечном слоге слова, для марийского — с разноместным ударением; возможно, и для коми-пермяцкого языка с «с разными типами разноместного ударения с элементами передвижности» (Лыткин 1964 : 234) и т. д.

5. В терминологическом отношении лучше было бы использовать вместо расплывчатого и многозначного слова *информатор* специализированный термин

информант, обозначающий «в лингвистике, психологии и некоторых других науках» «человека как источника определенного рода информации (о языке, ощущениях, эмоциях и т. п.)» (Крысин 2002 : 283).

6. Здесь же считаю возможным отметить некоторые недостатки и в техническом исполнении рукописи, характерные для всей работы. Т. Н. Меркушева, на мой взгляд, не совсем умело использовала богатые возможности компьютерного письма. В частности, излишнее увлечение прямым полужирным шрифтом при подаче языкового материала или, наоборот, невыделение его, ненужное подчеркивание вместо светлого курсива или одновременное использование обоих этих средств, двойное обозначение ударения (*гижны* и *гйжны* — с. 13), палатальности (то [ʃ], то [ʃʲ]) и т. д. несколько затрудняют чтение текста. Не совсем уместно употреблены знаки огубленности [ʲ] и долготы [ː] для обозначения различной степени ослабления согласных *в/л*: *кõв* > *кõвˆ* > *кõӯ* > *кõӯˆ* > *кõˆ* 'опояска' (с. 16) (в абзаце все формы даны в записи автора — В. К.). Мне как-то приходилось уже писать о некорректном использовании в работах Д. М. Баталовой знака огубленности [ʲ] для обозначения ослабленности согласного (Кельмаков 1997 : 146).

В 1-й главе «Лексика флоры» автор исследует лексику, связанную с анатомией растений (с. 33—43), названия древесных (с. 43—47), кустарниковых (с. 47—52) и травянистых (с. 52—58) растений и грибов (с. 59—67). Здесь же представлены этимологии первичных непроемных наименований или корней, вошедших в состав сложных слов, которые возникли в более позднее время (в период самостоятельного развития коми-пермяцкого языка или его южного наречия). По каждому роду растений автор определяет хронологическую глубину возникновения названий, например, в связи с названиями деревьев указывает, что 6 из них в южном наречии коми-пермяцкого языка восходят к уральскому периоду (*кõз* 'ель', *н'ыв* 'пихта', *сыс*:-: *сыспу* 'кедр', *бад'* 'ива', *пи*:-: *пипу* 'осина', *л'õм* 'черемуха'), 3 — к финно-

угорскому (*понул'* 'можжевельник', *кыдз* 'береза', *пэлыз'* 'рябина'), 1 — к прибалтийско-финско-пермскому (*вов*:-: *вовпу* 'ольха') и 2 — к общепермскому (*сирпу* 'вяз', *н'инпу* 'липа') (с. 46—47). Подобным же образом рассмотрены названия и других родов и видов растений. Следует заметить, что этимологии, представленные автором, не вызывают сомнений и вызовут интерес у исследователей флористической лексики и удмуртского языка. В частности, древние названия деревьев, вышедшие из употребления в коми-пермяцком языке, сохранились в удмуртском: пбф.-п. **toma* 'дуб' > удм. *ты*:-: *тыпы* 'тоже', пбф.-п. **nolkz* ~ **nalkz* 'вяз' > удм. *нюло* 'ильм' (это слово ошибочно приписано коми-зырянскому языку — с. 47); общеперм. **qj-ri* 'вид дерева' > удм. *уйпу* 'ветла', **ogʒz* 'осокорь, тополь черный' > удм. *урыж*:-: *урыжпу* то же, **beris'* 'липа' > удм. *беризь* 'липа (немолодая)'. Последующее сопоставительное изучение рассматриваемого в работе пласта лексики (не только названий деревьев) в современных пермских языках могло бы привести к определенным выводам этно- и лингвистического характера.

Флористическая лексика более позднего происхождения, имеющая производный характер (путем суффиксации или основосложения), подвергнута структурно-словообразовательному (с. 68—82) и лексико-семантическому анализу (с. 82—89). Внутренняя структура фитонимов коми-пермяцкого языка, выявленная автором в этих разделах 1-й главы, представляет серьезный интерес для исследователей и других языков, ибо могла бы в дальнейшем послужить поводом для типологических исследований. К примеру, название *муягõд* 'земляника' (*му* 'земля' + *ягõд* 'ягода') ассоциативно напрашивается на сопоставление с рус. *земляника* (*земля* + морфема *-ника*: *костяника*, *клубника*); нем. *Erdbeere* 'земляника' (*Erde* 'земля' + *Beere* 'ягода'); тат. *жир жыләге* (*жир* 'земля' + *жыләк*) 'клубника', башк. *ер еләге* (*ер* 'земля' + *еләк* 'ягода') то же и др.

Серьезную ценность в этой главе представляет лингвогеографический анализ лексики: на 10 картах указано тер-

риториальное распространение различных вариантов наименования отдельных высших растений и грибов.

Глава 2-я, посвященная лексике фауны — названиям домашних животных (с. 103—113), птиц (с. 113—127), рыб (с. 127—133), насекомых, земноводных и пресмыкающихся (с. 133—140), — в композиционном отношении представляет собой почти полную параллель 1-й, т. е., помимо этимологической части, имеет такие же разделы, которые посвящены структурно-словообразовательному (с. 142—148), лексико-семантическому (с. 148—152) и лингвогеографическому (с. 152—163) анализу лексики фауны. Приведен и проанализирован с помощью указанных методов богатый фактический материал, представляющий серьезный интерес не только для коми-пермяцкого, но и пермского языковедения; часть фаунной лексики положена на карты (всего 9).

В этих двух главах также имеются некоторые неточности, случаи недоговоренности или определенные положения, с которыми оппонент не может безоговорочно согласиться.

1. Автор утверждает, что ф.-уг. **taŋja* 'ягода' не имеет рефлекса в пермских языках (с. 42), хотя в пермском языковедении есть уже гипотеза, согласно которой рефлекс этого корня сохранился в составе пермских языков: комиЗ *намыр*, комиП *намыр* (с. 54), комиЯ *ма-мөр йагәд* (Лыткин 1961 : 145), удм. лит. *намер*, кукм. *намер* 'костяника' (< **та-тер* < **та* 'земля' + **тер* 'ягода') (подробнее см. Кельмаков 1970 : 140).

2. Автор возводит слово *вөзчача* 'василек' (*вөз* 'синий' + *чача* 'цветок') к общекоми (лишь!) периоду (с. 54), хотя имеется точная структурно-семантическая параллель этому слову в удмуртском языке: *лыз сяська* ~ *лызсяська* (*лыз* 'синий' + *сяська* 'цветок') 'василек' (РУС 75; УРС 265); аналогично комиП *бабапэл*, комиЗ сс. *бабапель* 'рыжик еловый' (с. 61) и удм. *бабапель* 'подосиновик' (УРС 36).

3. КомиП *көкан* 'чемерица' (как и удм. *кекон* то же) является скорее болгарским заимствованием (КЭСК 140), поскольку соответствия, кроме как в чу-

вашском (*кикен*, *күкен* 'терн', 'терновник', 'чемерица'), имеются еще и в других тюркских языках: балк. *көкән*, *көкөн*, азерб. *көйәм* 'терн' (Егоров 1964 : 112), хотя наблюдается определенная тенденция возводить его к пермскому источнику (Wichmann 1903 : 148—149), или, по крайней мере, вариант *кикен*, отделив его от формы *күкен* (Федотов 1996 1: 291). В любом случае комиП *көкан* 'чемерица', вопреки мнению Т. Н. Меркушевой, не является «древнеиранским» (с. 56).

4. Два предложения в работе вступают в явное противоречие друг с другом: «В названиях растений определяемый компонент может быть выражен и м е н е м с у щ е с т в и т е л ь н ы м, п р и л а г а т е л ь н ы м, п р и ч а с т и е м» (с. 69—70) и «В качестве определяемых слов в этих названиях чаще всего выступают и м е н а с у щ е с т в и т е л ь н ы е (выделение мое. — В. К.), атрибутивных — существительные и прилагательные» (с. 81). Это противоречие разрешается скорее в пользу последнего положения, нежели первого.

5. В основе номинации фитонима *с'өктантурун* 'папоротник' автор видит лекарственное свойство растения, расчленив слово на следующие части: *с'өктан* 'обремененный', *турун* 'трава'. Поскольку *с'өктан* (КПРС 465) имеет все же значение 'кочедык', то и рассматриваемому слову следует приписать несколько иную семантическую структуру: *с'өктан* 'кочедык' + *турун* 'трава', т. е. 'кочедык-трава'. В пользу последней гипотезы свидетельствуют как коми-пермяцкий материал (*ошс'өктан* 'папоротник', т. е. *ош* 'медведь, медвежий' + *с'өктан* 'кочедык', букв. 'медведь-кочедык' — с. 88), так и удмуртский (*сиктантурын* 'папоротник' (УКШГК 308)).

6. Т. Н. Меркушева в составе слова *ыжман* 'жимолость' находит связанный корень *ыж-* 'овца', ныне вышедший из свободного употребления в коми-пермяцком языке (с. 104). Что же в таком случае представляет собой элемент *-ман* — связанный корень (второй компонент сложного слова), суффикс, — остается невыясненным, поскольку автор не дает этимологии этого слова.

7. Праформа **uskalz* 'корова' отнесена к «прафинно-пермскому фонду», а несколькими строчками ниже — к «исконному ф.-у.» фонду (с. 104). Учитывая, что ее рефлексы представлены в современных удмуртском (*скал*, диал. *ыскал*, *искал*, *сыкал* 'корова'), марийском (*уш-кал* то же) и эрзянском (*скал* то же) языках, предпочтение, разумеется, следует отдать первой гипотезе.

8. В предложении «Под влиянием слов *порозок*, *бодзо*, которые обозначают детенышей коровы мужского пола, слово *кужан* 'детеныш коровы вообще' стало обозначать 'детеныша коровы женского пола'» (с. 107) стилистическая небрежность автора породила на свет 'корову мужского пола', 'корову вообще' и 'корову женского пола'.

9. Весьма рискованно связывать (хотя и под вопросом) коми слова *тупка* и *тупьюр* 'сова' с удм. *туп* 'мяч' (с. 122—123), поскольку последнее представляет собой относительно позднее татарское заимствование, ср. тат. *туп* 'мяч, мячик', чув. *тупй* 'мяч; пушка; снаряд; бомба'; тур., чаг. и др. *топ* 'всякая круглая вещь; мячик; ядро; пушка' и др. (Федотов 1996 2 : 249).

Весьма ценно для пользователя работой Приложение 3 («Словарь лексики флоры и фауны»), где представлены все названия растений и животных южного наречия коми-пермяцкого языка, ставшие объектом анализа. Поданные в транскрипционной записи лексемы снабжены по-

метами, указывающими на диалектную принадлежность, переводом на русский язык и идентификацией на латинском языке; перечислены также те страницы работы, на которых упомянуты приведенные слова. К сожалению, этот словарь имеет одно неудобство для пользователя — номера страниц упоминания диалектных лексем, как правило, не соответствуют положению вещей. Так, при слове *ыжман* 'жимолость татарская' (*Lonicera tatarica* L.) указываются с. 49, 70, 101, 102, в то время как это слово находит упоминание на с. 48, 69, 99, 104 (с. 214).

Однако указанные недостатки и недочеты, не имеющие принципиального значения, не снижают в целом высокого научного уровня рецензируемой работы Т. Н. Меркушевой, которая, являясь серьезным вкладом не только в коми-пермяцкое, но и в пермское языкознание, весьма органично вписывается в серию исследований по коми-пермяцкой диалектологии, выполненных в последнее десятилетие (Лобанова 1993; Баталова 1998; Дмитриева 1998; Пономарева 2002; Федосеева 2002). Эта серия диалектологических исследований, охватывающих фонетику, морфологию и лексику ряда коми-пермяцких говоров, впоследствии может стать надежной основой как для развития и обогащения современного коми-пермяцкого литературного языка, так и для дальнейших исторических изысканий.

Сокращения

КПАО — Коми-пермяцкий автономный округ на рубеже веков, Кудымкар 2000; **КПРС** — Коми-пермяцко-русской словарь, Москва 1985; **Рус. диал.** — Русская диалектология, Москва 1972; **РУС** — Русско-удмуртский словарь. С приложением краткого очерка грамматики удмурт-

ского языка, Москва 1956; **УКШТК** — Удмурт кылын шонер гождьаськонъя кыллюкам. Шонер гождьаськон но пусьёс пуктылон правилоосын, Ижевск 2002; **УРС** — Удмуртско-русский словарь, Москва 1983.

ЛИТЕРАТУРА

Б а т а л о в а Д. М. 1998, Диалектная система коми-пермяцкого языка и ее развитие в сравнительном и ареальном освещении. Науч-

ный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Москва.

- Д м и т р и е в а Д. П. 1998, Косинско-камский диалект. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Сыктывкар.
- Е г о р о в В. Г. 1964, Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары.
- К е л ь м а к о в В. К. 1970, Этимологии некоторых удмуртских слов. — ЗУдмНИИ, вып. 21, 134—143.
- 1997, [Рец. на] Д. М. Б а т а л о в а, Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка, Москва—Гамбург 1995. 197 с. — LU 1997 XXXIII, 146—151.
- 1998, Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Учебное пособие для высших учебных заведений, Ижевск.
- К р ы с и н Л. П. 2002, Толковый словарь иноязычных слов, Москва.
- Л о б а н о в а А. С. 1993, Кочёвский диалект коми-пермяцкого языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва.
- Л ы т к и н В. И. 1961, Коми-язьвинский диалект, Москва.
- 1964, Исторический вокализм пермских языков, Москва.
- П о н о м а р е в а Л. Г. 2002, Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ижевск.
- Ф е д о с е е в а Е. Н. 2002, Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Сыктывкар.
- Ф е д о т о в М. Д. 1996, Этимологический словарь чувашского языка 1—2, Чебоксары.
- Ф е д ь н е в а Г. В. 1998, Сложные слова. — Коми язык. Энциклопедия, Москва.
- W i c h m a n n Y. 1903, Die tschuwasischen lehnwörter in den permischen Sprachen, Helsinki (MSFOu XXI).

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)